

Тамара Ключинина

КТО УБИЛ КРИСТЕЛЬ?

УДК 82-312.9
ББК 84-445
К52

Ключинина Т.
К52 Кто убил Кристель? / Тамара Ключинина – М.: Литнет, 2025. – 198 с.

ISBN 978-5-521-94674-7

Профессор Элис Алдрин, гений-артефактор, готова на все, чтобы вернуться в прошлое и спасти свою сестру Кристель, бесследно исчезнувшую двадцать лет назад. В ее арсенале – хроноскоп размером с наручные часы и всего три попытки переписать историю. Когда Кристель исчезла, полиция предположила, что девушка легкомысленно сбежала, начав новую жизнь, ведь ее тело так и не было обнаружено. Но когда Элис переносится в прошлое, она с ужасом понимает: буквально все из окружения сестры были бы не прочь увидеть Кристель мертвой. Три попытки. И главная загадка: как спасти сестру, если каждый ее шаг в прошлом приближает ее исчезновение в будущем? P.S. Профессор Алдрин не несет ответственности за временные петли, сгоревшие лаборатории и неотправленные любовные письма!

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94674-7

© Литнет, 2025
© Т. Ключинина, 2025

Пролог

Тьма отступила медленно, неохотно, будто не желая отпускать меня. Я медленно открыла глаза, чувствуя, как реальность накатывает волнами – сначала запахи, потом осязание и звуки. Вроде бы все такое до боли привычное: легкий аромат лаванды, холод простыни, знакомый скрип старой кровати, но я, едва сдерживая слезы, не спешила вставать и безотчетно сжимала в кулаках одеяло, стараясь запечатлеть в памяти каждое мгновение – ведь это мой последний шанс исправить прошлое.

Каждое ощущение отражалось пульсирующей болью в висках. Мое тело казалось чужим, будто принадлежало кому-то другому, словно душа временно заняла не свое жилище. «Хотя почему будто, ведь так и есть», – мрачно усмехнулась я, напряженно прислушиваясь к звукам, разносящимся за дверью моей спальни.

«Ты уже видела это, ты знаешь все, что должно произойти сегодня», – настойчиво шептал внутренний голос, – «Ты не можешь позволить истории повториться! Ты просто не имеешь права на ошибку!». В голове медленно и четко вырисовывался план действий, единственно правильный, как мне показалось, выполнение которого действительно могло спасти мою сестру.

Глава 1.1

Несколькими днями ранее...

Из окон моей башни в магической академии Алдрахейм открывался величественный вид на город, залитый багрянцем рассвета. Я уже и не помню, сколько уже лет подряд каждое утро гипнотически наблюдала за этими шпилями, за этими переулками, где когда-то беззаботно носились мы с Кристель, моей старшей сестрой. Она – на высоченных каблуках в своих экстравагантных шелках, трепетавших, как крылья экзотической бабочки, я – с книгой под мышкой и в полной уверенности, что одежда должна быть простой и удобной.

«Ваниль и черная смородина», – торжественно провозглашала она, демонстрируя, наверное, сотый по счету изысканный флакон духов, добытый во время очередного модного набега на торговую улицу. Ее глаза искрились восторгом, а я лишь брезгливо поджимала губы и презрительно фыркала в ответ. По моему мнению, этот приторный аромат больше подходил для витрины кондитерской лавки, чем для серьезной студентки престижной академии, где ценились благородные запахи редких трав и алхимических соединений. Теперь я бы отдала все, лишь бы снова услышать ее голос...

Наши отношения были сложными и противоречивыми. Мы то ссорились из-за мелочей, то становились неразлучными подругами. Кристель умела превращать любой день в праздник, даже самый серый и унылый. Она могла заставить смеяться даже тех, кто был готов разрыдаться. Я часто злилась на нее за излишнюю беззаботность и импульсивность, не одобряя ее легкомысленность, но в глубине души всегда восхищалась тем, как легко она находит общий язык с людьми, и завидовала ее способности быть в центре внимания и легкости, с которой она, словно фея, покоряла сердца окружающих.

«Ты унаследовала папино занудство, а я – мамино тщеславие», – любила повторять она, кокетливо поправляя бант на груди. Порой моя зависть перерастала в слепую ненависть – за то, что наша маленькая квартира постоянно звенела от голосов ее подруг и поклонников, за ее язвительные насмешки и легкомысленное отношение ко всему. Даже ее театральные слезы, когда профессор Элеван снижала оценки, вызывали у меня раздражение: «Элис, она просто завидует моему стилю!» – всхлипывала сестра, драматично заламывая руки и падая на диван. Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, насколько мелочными и глупыми были мои обиды – ведь я просто не могла принять тот факт, что мы с сестрой совершенно по-разному смотрим на мир.

А потом она исчезла.

Ровно двадцать лет назад в тот роковой день я покинула квартиру, с раздражением хлопнув дверью – ее залихватский смех и бесконечная болтовня с подругами невыносимо мешали мне сосредоточиться на подготовке доклада. Когда я вернулась тем вечером из библиотеки, моей сестры дома не оказалось – лишь ее любимый медальон сиротливо лежал на полу, словно выпал из ящика случайным образом. Ее постель была заправлена, вещи оставались на своих местах, ни записки, ни намек... Как будто сестра просто вышла прогуляться. Я провела бессонную ночь, напряженно вглядываясь в ночную тьму за окном. Утро сменилось днем, день – вечером, но сестра так и не появилась.

Полиция развернула масштабные поиски – были опрошены все ее подруги и знакомые, задействованы магические поисковые артефакты, проверены городские окрестности. Эксперты изучили каждую деталь в квартире, но не нашли никаких улик, указывающих на преступление. После тщательного расследования была выдвинута версия о том, что «звезда академии» могла легкомысленно сбежать, импульсивно решив начать новую жизнь. Отсутствие тела и загадочные обстоятельства привели к тому, что имя Кристель Алдрин навсегда закрепилось в списках пропавших без вести.

В который раз я сжала в ладони холодный, словно лед, любимый серебряный медальон Кристель. Он никогда не нагревался, даже когда сестра надевала его на студенческие балы, где он сверкал в отблесках магических огней.

Перед глазами всплыло еще одно давнее воспоминание: я будто наяву вновь увидела, как Кристель кружилась перед зеркалом, восторженно прижимая его к груди, словно величайшую драгоценность.

– Смотри, Элис! – щебетала она, и ее голос звенел от восторга, – это настоящий антиквариат! Говорят, его носили при дворе самой королевы Амариэль!

Я, поглощенная изучением артефакторики, лишь раздраженно отбросила учебник на кровать.

– Королева Амариэль правила триста лет назад. Наверняка это безделушка из лавки с Рыбного рынка, – фыркнула я.

Но сестра лишь театрально закатила глаза, небрежно поправляя непослушный локон.

– Ох, Элли, как же жаль, что ты совершенно не разбираешься в истинной красоте, – парировала она с притворным вздохом, а в ее голосе прозвучала привычная нотка превосходства.

Очнувшись от наваждения прошлого, я с горькой улыбкой щелкнула крышкой медальона. Под хрустальной линзой хранилась чудом сохранившаяся под заклинанием стазиса золотистая прядь ее волос – словно застывший луч летнего солнца. Для меня этот медальон давно перестал быть для меня просто серебряной безделушкой: он превратился в символ моих усилий и надежд, а теперь еще стал и магическим якорем, который позволит мне вернуться в прошлое.

Глава 1.2

Двадцать лет одержимых поисков... За эти двадцать лет я стала лучшим артефактором империи, профессором с не одной дюжиной патентов, женщиной, которую цитируют в учебниках, изучая мои открытия и достижения. Но все это – лишь ступени на пути к единственной цели. Сотни истрепанных чертежей, десятки безжалостно взорванных лабораторий, бесконечное количество шрамов на пальцах – и вот он, мой шедевр, единственный в своем роде: хроноскоп размером с наручные часы, способный подчинить себе саму ткань времени. Артефакт на столе гудел, раздражительно жужжа, а его латунные шестерни торжественно сверкали в рассветных лучах.

– Ты уверена, что это сработает? – за спиной раздался хрипловатый голос моего близкого друга, единственного человека, которому я могла абсолютно доверять. Питер Томсон, самый молодой в истории академии декан факультета алхимии, нервно постукивающий пальцами по косяку, человек, который мог бы изобрести эликсир бессмертия, но вместо этого бесславно потратил со мной почти двадцать лет на погоню за призрачной мечтой.

– Если я создала машину времени только для того, чтобы сомневаться, – как можно безразличнее пожала я плечами, нарочито резко поворачивая регулятор частот, – значит, мне пора менять профессию на предсказателя погоды.

Он подошел ближе и обнял меня за плечи, без слов читая мое волнение, и в потускневшем зеркале на стене напротив мелькнула наша пара: профессор артефакторики с мешками под глазами, больше похожими на синяки, и гений-алхимик со стареньким потертым кожаным браслетом на левой руке – подарком, который он так и не осмелился вручить Кристель, стыдливо пряча его в карман во время их мимолетных встреч в коридорах академии. Глупость ведь – дарить браслет девушке, которая, шурясь, переспрашивала при встрече: «Ты... с факультета зелий или учишься вместе с Элли?».

Мы познакомились с ним в конце первого курса, будучи студентами одного потока, но разных магических направленностей, он – влюбленный поклонник моей красавицы-сестры, и я – не считавшая значимым ничего вокруг, кроме науки. Постепенно подружившись, во время учебы мы часто придумывали и реализовывали совместные проекты, болтая параллельно обо всем на свете и доверяя друг другу самые страшные секреты, и вот теперь самым главным проектом и его, и моей жизни стала попытка изменить события прошлого.

– Четыре заряда, – произнес он, бережно касаясь хроноскопа на моей руке, отчего прибор тихонько завывает, словно встрепещившийся зверь, – всего три попытки переписать историю. На четвертом заряде ты должна вернуться, даже если... – он запнулся, судорожно сглатывая, – проверь еще раз настройки! Я буду ждать здесь, в 3275 году, ровно в девять часов утра. Для меня пройдет всего пять минут, но я не знаю, как мне их пережить, если честно...

– Ты даже не прочитаешь мне очередную лекцию о хрупкости временной ткани? – намеренно спокойным тоном уточнила я, проверяя надежность застежки ремешка-фиксатора хроноскопа, хотя внутри меня бушевал настоящий ураган эмоций. Но если я покажу ему, как сильно волнуюсь, то он ведь будет переживать еще больше...

С трудом успокоив дыхание, я протянула ему якорь-медальон, и он осторожно надел мне его на шею. Этот медальон будет соединять мою душу, отправившуюся в прошлое, и тело, оставшееся здесь, в настоящем – пустой оболочкой, застывшей за столом, под присмотром верного Питера.

– Нет, но... Элис... если якорь треснет, твое сознание останется в прошлом, навсегда вытеснив свою более молодую личность. Ты никогда не сможешь вернуться... – его пальцы дрожали, поправляя крохотную колбу с «кровью времени», пульсирующей, как живое сердце, – поэтому я скажу: «Береги себя».

– Я правда постараюсь, Пит, – прошептала я внезапно охрипшим голосом, – честно!

– Элли... – он взял меня за руки, и я увидела панический страх в его глазах, – я знаю, как для тебя это важно, но... прошу тебя... не рискуй понапрасну... – он крепко обнял меня, почти до боли в ребрах прижимая к своей груди, как будто и вовсе не хотел отпустить, – пообещай, что вернешься, что бы там ни случилось, прошу тебя!

– Я постараюсь все исправить и вернуться, – еле сдерживая подступившие слезы, тихо пообещала я. Но в глубине души я уже знала, что назад пути нет. Решение принято, и теперь остается только двигаться вперед, сквозь лабиринт времени, надеясь, что мои расчеты верны, а судьба окажется милосердной.

Мягко отстранившись, я вновь сжала медальон до боли в пальцах, чувствуя, как его серебряные ребра впиваются в кожу. Когда-то Кристель не выносила тишины, наполняя мир вокруг себя смехом и болтовней. Теперь же ее голос доносился до меня лишь призрачным эхом воспоминаний.

«Элис, ты ведешь себя как ребенок! – звенел в памяти ее голос, – никогда не бойся рисковать! Поживи хоть немного не по учебнику, правила придуманы для того, чтобы их нарушать!». Эти слова, когда-то казавшиеся пустой болтовней легкомысленной старшей сестры, теперь обретали новый смысл, словно осколки, складывающиеся в единую картину.

Питер достал из кармана смятый конверт, бережно разглаживая сгибы пожелтевшей бумаги. Старые письма... Я знала их содержание наизусть: наивные стихи, которые он писал ночами, подрабатывая в академической лаборатории. Но читал он их мне, а не моей сестре, так и не найдя в себе сил и смелости признаться в своих чувствах той, кому они были посвящены.

С глубоким, решительным вздохом я нажала нужную комбинацию кнопок. Хроноскоп тут же ожил, будто пробудившееся серд-

це – его механизмы запульсировали на моем запястье, наполняя воздух тихим, почти музыкальным гулом. Стрелки бешено закрутились вспять, высекая искры из воздуха – 3255 год, ровно 20 лет назад, без пяти минут девять – то самое субботнее утро, когда я вспылила и ушла, демонстративно хлопнув дверью, а моя сестра бесследно растворилась, словно дым от погасшей свечи. Все эти годы мы существовали словно призраки, поддерживая друг друга в этой бесконечной неопределенности, страшась узнать, что все наши усилия были напрасны. И вот настал момент истины – момент, который определит все.

– Питер... Спасибо тебе. За все, – тихо прошептала я, чувствуя, как горло сжимает спазм.

Первый шаг в разлом пространственно-временного портала – боль, пронзающая виски, как тысяча игл. В последний момент, обернувшись, я увидела, как мой друг судорожно сжимая конверт, тянет ко мне руку, будто это единственная нить, связывающая меня с реальностью.

Еще один шаг – и цвета мира сплелись в безумную радужную спираль, разрывая реальность на части. Третий... Третий перенес меня на двадцать лет назад, в мою спальню, где пылинки беззаботно танцевали в солнечных лучах, а из-за двери доносился ее смех – живой, громкий, прекрасный.